

АННОТАЦИЯ РАБОЧЕЙ ПРОГРАММЫ ДИСЦИПЛИНЫ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Автор: кандидат философских наук, доцент **Копелян Мария Марковна**

Код и наименование направления подготовки, профиля: 40.04.01 «Юриспруденция»,
профиль «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория
оперативно-розыскной деятельности»

Квалификация (степень) выпускника: *магистр*

Форма обучения: *очная, заочная*

Цель освоения дисциплины: формирование у студентов целостного научно-обоснованного представления о смысле права, его сущности и понятии, его основании и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства.

План курса:

Тема 1. . Предмет философии права

Предмет философии права как проблема. Исторически-доктринальная вариабельность предмета философии права и его инвариантное ядро. Дисциплинарная двойственность философии права. Философия права как философская наука, в пределе — интегральная часть системы философии. Эмпиризм и рационализм в философской традиции интерпретации сущности права : апостериорная генерализация и систематизация опыта contra априорная дедукция права из идеи. Неоднозначность эмпиризма в философии права и этике. Два понятия опыта : гносеологическое (Дж.Локк) и моральное (шотландские моралисты — А.Смит, А.Фергюсон, Фр.Хатчесон). “Моральное чувство” как интуиция особого рода, т. е. непосредственнопереживание-схватывание моральных (и правовых) смыслов. Шотландские моралисты как предшественники концепций эмоционализма и феноменологии в этике и философии права. Два типа рационализма в философии права, в зависимости от различий философских методов : интеллектуальная интуиция (Б.Спиноза) или диалектика (Г.Гегель). Критическая философия И.Канта : рефлексия оснований права и формула категорического императива права в перспективе критики практического разума. Г.Гуго : философия права как юридическая дисциплина и интегральная часть юриспруденции : юридическая догматика и теория права — история права — философия права. Философия права как цензура и апология позитивного права по принципам чистого разума и оценка технической и прагматической целесообразности правоположений по эмпирическим данным юридической антропологии.

Противостояние доктрин естественного права и юридического позитивизма в философии права. Раздвоение права на естественное (разумное) и позитивное (установленное, искусственное) в естественно-правовых доктринах как попытка выхода за пределы условностей юридической догматики и чисто номинального понимания правоположений и как стремление укоренить их в космологической и онтологической реальности в перспективе истины и справедливости. “Природа” как определение внутреннего существа права. Приоритет естественно-правовых норм и их роль в качестве масштаба для оценки и критики позитивных законов. Различение права (jus) и закона (lex), морально-правовой характер аргументации. Плюрализм естественно-правовых учений. Различные истолкования понятий “природы” в естественно-правовой традиции. Естественное право как обнаружение и выражение первичных естественных инстинктов. Теологическая концепция : естественное право как божественное установление (Фома Аквинский и высокая схоластика, томизм и неотомизм, Дунс Скотт, Лютер и

протестантские варианты естественного права).Интерпретация “природы” в парадигме нового естествознания и понятие “социальной физики”. Естественное право как идея и логос права, как право конституирующее (*jus constituendum*), в отличие от позитивного права как права установленного, конституированного (*jus constitutum*). Позитивное право как ре-презентация — более или менее верная или неверная — естественного права как правового логоса. Кризис (сер. XIX в.) и возрождение (рубеж XIX-XX вв., 40-50 гг. XX в.) естественно-правовых учений. Доктрины “возрожденного” естественного права в Германии и России. “Естественное право с меняющимся содержанием” (Р.Штамлер). Доктрины “свободного права” (Е.Эрлих, А.Канторович, Р.Паунд, М.Леруа и др.) — систематическая критика этатизма в философии права. Преобладание среди новейших учений теологических концепций — католических (неотомистских) и отчасти протестантских (Э.Бруннер, Ж.Эллюль и др.). Два основных варианта : религиозно-антропологический, ориентированный на априории человеческого бытия как личности (Ж.Маритен, К.Ранер, Й.Месснер, А.Зауэр), и онтологический, устремленный к построению онтологии форм права (Э.Жильсон, Х.У.Бальтазар и др.). Светские формы онтологии права (Р.Марчич). “Естественное право” как освященный традицией термин (псевдоним) для антипозитивистски ориентированных философских концепций.

Юридический позитивизм (легизм) как реакция на метаюридизм, абстрактность и нормативную неопределенность “естественного права”. Классическая парадигма — Т.Гоббс : не истина, но властный авторитет творит закон. Несовпадение юридического и общеправового позитивизма (О.Конт, Г.Спенсер). Нетождественность правового позитивизма и требования автономии юриспруденции, ее независимости от метафизики. Правовой позитивизм против правового морализма. Типы юридического позитивизма. Наивный, или радикальный, легизм (Дж.Остин) — теория императивов, или властных команд, “приказов суверена”. Вопрос о полномочиях власти не имеет смысла; власть — единственный источник всех полномочий и обязанностей, *factum brutum*.

Рефлексивный позитивизм — Г.Харт, Х.Кельзен, К.Шмитт, Н.Луман. Рефлексивный позитивизм как “позитивизм с оговорками”. Двусмысленности аргументации Г.Харта : необходимость и разумность норм, нацеленных на защиту личности, собственности и договоров, и легистское отрицание возможности неправового закона, квалификация естественно-правовой и критически-философской аргументации как недоразумения или ошибки. Право как система нормирующих правил — правил обязывания и правил предоставления полномочий, — предполагающая последнее “правило признания”, которое легитимирует правопорядок и вводит в действие все его нормы. Последнее правило как действующая норма права отличие от “основной нормы” Х.Кельзена.

“Чистое учение о праве” Х.Кельзена как аналитическая теория позитивного права. Теоретико-научное обоснование теории права с ориентацией на неокантианство и М.Вебера. Нерелевантность для позитивного права перспектив истинности и справедливости (эмотивизм и некогнитивизм). Наука о праве как “свободная от ценностей” система аргументации, обоснования и унификации. Право как иерархический порядок нормативных полномочий и правил, восходящий к “основной норме”. Основные противоречия кельзеновского чистого учения о праве. Фактическая “встроенность” перспективы справедливости (например, в форме “коллективной безопасности”) в действующее право и правопорядок и неадекватность формулы “любое произвольное содержание может стать нормой права”. Парадокс “основной нормы” — невозможность ее обоснования в порядке линейной логической аргументации и ее до-позитивный характер : основная норма — логически-трансцендентальная предпосылка (гипотетическая) и схема истолкования правопорядка, но сама не является правовой

нормой. Релятивизм и децизионизм Х.Кельзена за пределами аналитической стратегии внутри системы позитивного права.

К.Шмитт, Н.Луман — исторически локализованный позитивизм. Тезис Шмитта о Новом времени как эпохе прогрессирующей нейтрализации, т. е. о растущей индифферентности общества последовательно к религии, метафизике и морали. Соответственно, самоопределение права вне и поверх традиционных авторитетов, включая авторитет законодательствующего разума. Контртезис об абсолютном примате “политического” и радикальный децизионизм. Н.Луман : процедурный легализм — значимость норм только в силу решения и легитимация исключительно через институциональную процедуру как специфическая примета современного общества. Рефлексы естественно-правового мышления и договорной парадигмы в концепции Лумана : праводефинирующее (и праволегитимирующее) значение “коллективной безопасности” и “ненасильственного разрешения конфликтов”, которые обеспечиваются централизованным правопорядком, с одной стороны, и с другой — введение в основную формулу понятия “согласия”, или “консенсуса” : легитимация через согласие, достигаемое посредством процедур.

Философия права как структурно-аналитическая теория в соответствии с парадигмой аналитической философии (П.Стросон, Р.Хеар, О.Вайнбергер, П.Штрассер и др.). Предмет философии права — структурный и логико-семантический анализ позитивного права, характерного для него типа дискурса методов и приемов аргументации, с целью выявления имманентных для права притязаний на значимость.

Кантианская традиция в философии права между естественно-правовой парадигмой, позитивизмом, трансцендентальным априоризмом и критико-философской теорией права. Неокантианская теория ценностей и ее существенные отклонения от кантовской парадигмы критики практического разума. Фикционализм Х.Файхингера. Г.Коген : от трансцендентального к спекулятивному априоризму. Этатизм и интерпретация этики в правовых категориях. Г.Радбрух : позитивное право как осуществление идеи права. Юриспруденция, или наука позитивного права — наука о культуре (Kulturwissenschaft), соотносящая свой предмет с ценностями, но без прямых оценок. Философия права, имеющая своим предметом идею права, с необходимостью включает оценки позитивного права и правопорядка и вместе с тем — определенный естественно-правовой минимум. Коммуникативная философия права Ю.Хабермаса и К.-О.Апеля (теория правового дискурса и трансцендентальная прагматика). Теория справедливости Дж.Ролза. Философия права в перспективе политической справедливости (О.Хёффе).

Юридический социологизм. Стремление противостоять как формализму позитивистских концепций, так и априоризму рационалистических учений (включая естественное право). Неравнозначность юридического социологизма и социологии права как автономной науки. Юридический социологизм как философская теория. Попытка сместить предмет философии права в область анализа фактических общественных отношений, интерпретируя право как рефлекс этих отношений, и, как следствие, утрата самого этого предмета — права как автономной ценностной системы, которой присуща относительно самостоятельная мотивация.

Феноменология и философия права. Критика эмпиризма и рационализма, формализма и нормативизма в понимании права. Феноменологическая теория ценностей (Ф.Брентано, Э.Гуссерль, М.Шелер, А.Райнах). Ценности не только невозможно свести к обычной эмпирии или вывести из нее, их нельзя ни рационально дефинировать

посредством обычной логической аргументации, ни просто постулировать как нечто должное. Долженствование и, соответственно, нормативность норм сами опираются на ценности, но не наоборот. Ценности должны быть усмотрены в особом опыте, посредством интенционального акта, направленного на идеальное “обстояние” и его элементы — идеальные предметы. Ценности как идеальные сущности объективны — они не привносятся в смысловой опыт, но открываются в этом опыте, благодаря феноменологической установке. Ценности как смысловые сущности не исчерпываются чистой формой (И. Кант), они материально содержательны, и как таковые постижимы только в актах заинтересованной эмпатии, а актах “любви и ненависти” (М. Шелер). Сами кантовские категорические императивы не чисто формальны, неявным образом они покоятся на усмотрении и признании определенных ценностей. Предмет феноменологической философии права — эйдетический — ценностно-смысловой — анализ структуры права, точнее, идеи, или логоса права. Влияние феноменологии на русскую философию права (Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин). Критика феноменологии в русской философии за позитивирование ценностей как абсолютно самодовлеющих сущностей и отрыв ценностно-смысловой сферы от метафизики и религии. Невозможность чисто феноменологического обоснования правового идеала. Феноменология — необходимая, но предварительная форма философского мышления — введение в философию как целостное мирозерцание (Н.Н. Алексеев).

Правовой интуитивизм и эмоционализм Л.И. Петражицкого как в основе своей феноменологический тип философско-правового мышления, но облеченный в неадекватную понятийную оболочку психологизма и индуктивной логики. Теория юридического опыта Ж. Гурвича.

Тема 2. Понятие права

Формальное и материальное определение права. Право как смысловая форма. Необходимости приоритет формального определения права. Правовой формализм как гипертрофия формального измерения права за счет “смыслового содержания”. Относительность различия “смысловой формы” и “смыслового содержания” права. Самоочевидность и тавтологичность чисто формального определения права в нормативизме. Дефицит формального определения права в классических естественно-правовых доктринах и содержательно - смысловая скудость его материальных определений. Рационализм и интуитивизм в философии права.

Основные формальные критерии правовых феноменов и элементы понятия права. (1) Право и его нормы как правила поведения имеют строго определенный, конкретный и конечный характер. (2) Императивно-атрибутивная природа права, которое устанавливает связь и совершенное соответствие между обязанностями одних и притязаниями других. (3) Многосторонняя и систематическая корреляция обязанностей и притязаний, или связанный порядок права — правопорядок. (4) Укорененность унифицированных норм права в нормативных фактах. Два признака понятия “нормативный факт” : (а) установленность некоей властью, не тождественной самой норме; (б) действенность, или эффективность в данной социальной среде, т. е. способность реально подчиняться своим требованиям. Отсюда следует, что право может быть только позитивным. (5) Право в порядке своей реализации допускает возможность принуждения. Критерий принуждения как признак права не имеет абсолютной значимости : (а) реализация права не всегда сопровождается принуждением; (б) принуждение не обязательно должно быть безусловным, но может быть и условным; (в) принуждение в праве (санкции) нельзя отождествлять исключительно с государственным принуждением.

Ж.Гурвич : взятые в своей совокупности, пять критериев, или признаков, понятия “права” означают, что право может быть только позитивным. Понятие “естественное право” — либо противоречие в терминах, либо неадекватное выражение для интуитивного позитивного права, в отличие от формального позитивного права. Проблема автономии и гетерономии. Ж.Гурвич : право как установленное внешней властью не может вполне автономным, однако оно не является и просто гетерономным, поскольку не исключает автономной мотивации действий, нормированных правом. Право как пространство и состояние перехода действия и мотива, внешнего и внутреннего. И.А.Ильин : нормальное правосознание предполагает внутреннюю мотивацию к действию.

Два типа содержательных интерпретаций сущности права. Интерпретации посредством внеположных праву реалей : утилитаризм, прагматизм, социологизм (право и польза, право и интерес etc.). Интерпретации посредством смысло- и нормо-устанавливающих категорий, конституирующих право как нормативную систему и порядок особого рода (право как нормализованная свобода; право как формальное равенство; право как справедливость).

“Справедливость” как объемлющая категория (т. е. включающая в себя равенство и свободу). Перспектива справедливости — фундаментальное основание и горизонт права. Различные истолкования понятия “справедливость” и их общий знаменатель — истолкование справедливости у Аристотеля. Справедливость уравнивающая и распределяющая, или дистрибутивная. Справедливость субъективная, или личная (добродетель справедливости), и справедливость объективная(справедливый правопорядок).

Особый вариант интерпретации “идеи права” у Г.Радбруха. Три смысловых элемента, или измерений, идеи права : справедливость, цель права, безопасность и порядок. Единство и расхождение этих измерений права. Антиномии права.

Справедливость как идеал и логос права. Различение права (*jus*) и закона (*lex*). Справедливость как масштаб для оценки систем позитивного права. Понятия “надзаконного права” и “законного неправа” у Г.Радбруха. Вопрос о пределах значимости и действенности закона. Проблема гражданского неповиновения.

Типы корреляции притязаний и обязанностей : право координации, право субординации, право интеграции. Проблема источников права. Государственная теория. Плюралистические теории (Л.И.Петражицкий, Н.Н.Алексеев, Ж.Гурвич). Теория социального права Ж.Гурвича.

Право в разных исторических и культурно-цивилизационных контекстах. Возможно ли единство права и идеи права? Проблема универсальности прав человека. Теории смысловой несовместимости высоких культур (О.Шпенглер, А.Тойнби и др). Столкновение цивилизаций в эпоху модерна и постмодерна (С.Хантингтон). Конфликт и проблема согласия. Вклад юридической компаративистики.

Сущностная структура права. Различные варианты членения. О.Гирке : субъект права — предикаты права — объект права — правовое отношение. Н.Н.Алексеев : субъект права — правовые ценности — предикаменты права. Структура права и позитивное право. Постоянные и изменчивые элементы в праве. Идея, или логос права как расчлененная целостность и воплощение этой идеальной целостности в феноменах позитивного права.

Реальность права. Действительность и действенность права. Юридическая норма и факт. Идея факта. Факты как непосредственно данное и факты, обладающие смыслом. Нормативные факты как смысловые факты. Нормативный смысл фактов. Позитивное право как область обладающих смыслом, или нормативных фактов. Нормативность как объективное свойство фактов. Теории нормативных фактов (Х.Кельзен, Л.И.Петражицкий, Н.Н.Алексеев, Г.Д.Гурвич). Понятие этоса. Идея целого и абсолютные связи. Государство как нормативный факт и его соотношение с другими нормативными фактами. Множественность нормативных фактов и плюрализм источников права.

Нормативные факты и основные понятия позитивного права. Первичные и вторичные источники права. Объективное и субъективное право. Монополия правотворчества и понятие объективного права. Разные значения понятия “субъективное право” и его прагматический характер.

Формальный характер противопоставления факта и права в позитивном праве — “вопрос факта” (*quaestio facti*) и “вопрос права” (*quaestio juris*) в судебном процессе. Проблема нормативной силы фактического. Нормативно-безразличные факты в пределах позитивного права. Внутренний смысл понятия “правонарушения”. Нормативные факты с точки зрения реальности. Социальная реальность позитивного права.

Тема 3. Право и проблема ценности

Идея ценности в современной философии. Древние истоки идеи ценности (античная философия, религиозная и теологическая традиция) и сравнительно поздняя категориальная интерпретация “ценности” в контексте философской аксиологии (Г.Лотце). Кантианская и феноменологическая традиции в аксиологии, их противостояние и схождения. Логико-семантический и семиотический анализ ценностей.

Неокантианство (баденская школа) как философия ценностей по преимуществу — основная наука об общезначимых ценностях (В.Виндельбанд, Г.Риккерт, Э.Ласк, Г.Мюнстерберг). Формализм неокантианской теории ценностей как стремление противостоять ценностному релятивизму. Критика прагматизма и утилитаризма. В.Виндельбанд : определение “ценности” через понятие “долженствования”. Резкая дихотомия “бытия” и “ценности”, эмпирической действительности и идеала. Ценности как идеальные “нормы”, укорененные в трансцендентальном, “нормализованном” сознании и принципиально внеположные “фактам” и “законам” обычной реальности. Г.Риккерт : ценность как “значимость”. Нерелевантность понятия “существования” для понятия “ценности” — ценности трансцендентны относительно бытия как абсолютные смыслы : нельзя сказать, что ценности существуют или не существуют, но они имеют значимость. Ценность сама по себе, как самодовлеющая трансцендентная сущность, не есть норма и не может быть сведена к долженствованию. Ценности как нормы и должное конституируются лишь в соотносении с субъектом познания и действия. Трансцендентная сущность ценности и ее проявление в имманентном мире — объективное (благо) и субъективное (оценка). Система ценностей, согласно Риккерту : (1) логические ценности; (2) эстетические ценности; (3) мистические ценности; (4) этические ценности (нравственные и социально-этические, в т.ч. правовые); (5) личные ценности; (6) религиозные ценности. Дефицит объяснения и обоснования ценностей (Н.Н.Алексеев) как источник слабости неокантианской теории перед лицом релятивизма (прагматизма) и утилитаризма; возможность субъективистской и фикционалистской (Х.Файхингер) интерпретации аксиологической теории. Своеобразный поворот неокантианской аксиологии в правовом нормативизме Х.Кельзена : нельзя сказать, что право не только представляет собой норму (или приказание), но и выражает некую

ценность; право есть ценность как раз потому, что оно есть норма. Невозможность различить и разделить ценность и нормативность правовой нормы.

Феноменологические и критико-онтологические интерпретации теории ценностей (М.Шелер, Ф.-И.Ринтелен, Н.Гартман). Теологические варианты феноменологической онтологии ценностей (Д.Гильдебранд, Ж.Маритен, Г.Марсель). Радикальная критика теории ценностей с позиций фундаментальной онтологии (М.Хайдеггер). Общие черты феноменологической аксиологии: строго объективное, онтологическое, и материальное (содержательное, не-формальное) понимание ценностей. Ценности образуют особую сферу духовного бытия и, как таковые, без-условны и без-относительны, имеют самодовлеющий характер. Нерелевантность понятий “субъекта” и “отношения” для сферы ценностей. Ценности — идеальные предметности и качества, бытие которых не находится в зависимости от какого-либо субъекта, или “Я”, эмпирического или трансцендентального. “Я”, или личность, как “место” обнаружения ценностей в акте феноменологического усмотрения и центр возможных духовных актов, направленных на ценности (признание, исполнение). Ценностный порядок как онтологическая иерархия. Уровневое, или “слоистое”, строение бытия и антиномия “силы” и “ценности”. Н.Гартман: ценностно-смысловая автономия более высоких бытийственных уровней от нижележащих и одновременно невозможность существования высших уровней бытия без опоры на низшие. М.Шелер: восхождение по иерархии ценностей одновременно — нисхождение по иерархии силы бытия. Стигматы трагичности бытия — абсолютная хрупкость самых высоких духовных ценностей.

Право как ценность. Непосредственная сакральность права в архаических культурах и его проблематизация в эпоху “осевого времени” (К.Ясперс, Ш.Эйзенштадт).

Мистический теомонизм (Упанишады, буддизм): сущностная индифферентность в отношении права, равно как и культуры в целом, в перспективе упразднения значимости различия между “ценным” и “неценным”; одновременно — практический конформизм, с одной стороны, и радикальный политизм, — с другой (Каутилья). Сложность китайской культурной традиции: конфуцианство — легизм — даосизм. Конфуцианство: секуляризация права и новое утверждение его ценности в благоустроенном обществе — для поддержания этой благоустроенности и воспитания “совершенного мужа”. Легизм: силовой вариант утверждения секулярного закона, отождествление права и силы. Даосская мистика: нигилистические обертоны в отношении права и его ценности.

(Моно)теистическая (библейская) традиция и два ее варианта. Законнический вариант — иудейство и ислам. Сохранение смыслового ядра архаической традиции и ее трансформация в контексте пророческого движения (профетизм). Абсолютное основание ценности права — его установленность Богом, божественный Закон. Мистические контртенения в иудействе (каббала, хасидизм) и исламе (суфизм). Альтернатива “шариат” — “тарикат” в суфизме и упразднение ценности религиозного закона (шариат) на высших уровнях мистического опыта.

Парадоксалистский вариант теизма — христианство. Амбивалентное отношение христианства к праву и его двойкий источник. Антиномия закона и благодати (ап.Павел), с одной стороны, антиномии трансцендентности божественного бытия и творения, трансцендентности Бога и инкарнации — воплощения-вочеловечения, — с другой. Противостояние двух тенденций в апологетике — анархо-парадоксализм (Юстин — Тертуллиан) и неоплатонический онтологизм (александрийская школа). Патристический и схоластический (Фома Аквинский) синтезы и интерпретация права как ценности — божественного, естественного, установленного человеческой властью, церковно-

канонического и светского — в контексте и категориях теологической онтологии, репрезентирующей иерархическое строение бытия. Мистические контртенения в христианстве (апофатическая мистика — Д.Ареопагит, Майстер Экхарт). Анархические тенденции Реформации и их отзвуки в неореформационной теологии (С.Киркегор, К.Барт, Р.Бультман).

Классическая европейская философия — почти единодушная (исключение — кинизм) интерпретация права как важной ценности, при условии необходимого различения естественного (разумного) и позитивного права. Две модели ценностного обоснования права : Кант — Гегель. Инерция естественно-правового мышления в теоретической юриспруденции (историческая школа права). Кризис классической философии и конституирование анархо-нигилистического отношения к праву (А.Шопенгауэр, М.Штирнер, Фр.Ницше).

“Правда” против “закона”, свобода как воля “по ту сторону закона” : анархический морализм — антиправовые и нигилистические тенденции в русской философии и культуре (славянофилы, Л.Н.Толстой, Достоевский, Н.А.Бердяев, народничество, русские марксисты и др.) и их критика (Б.А.Кистяковский, С.Л.Франк, Г.П.Федотов).

Новейшая философия и теория права (конец XIX -XX вв.). Два варианта ценностной интерпретации права. Право как ценность предварительная и обусловленная — этически (Г.Еллинек, Вл.Соловьев, В.Виндельбанд, Дж.Финнис, Л.Фуллер и др.) или социологически (Р.Иеринг, прагматисты и утилитаристы и др.). Право как фундаментальная и независимая ценность (Л.Штейн, О.Гирке, М.Ориу, Н.Н.Алексеев, И.А.Ильин, Ж.Гурвич, Г.Радбрух).

Ж.Гурвич : право как ценностно-смысловой каркас и необходимое условие возможности нормализованного разрешения конфликтов в плюралистическом мире и политической демократии. Признание права как самостоятельной ценности как предпосылка декриминализации форм поведения, отвергаемых религией и конвенциональной позитивной моралью.

Н.Н.Алексеев : ценностно-смысловой спецификум права как “объемлющей” ценности, которая определяет возможность свободного признания всех иных ценностей и образует пространство их свободной встречи. “Правовое” отношение к ценностям как по преимуществу интеллектуальное, определяемое категорией “признания”. Специфическая “отстраненность” и “холодность” права (А.Райнах), зафиксированные уже в древности (богиня правосудия Фемида с повязкой на глазах и весами; принцип “*sine ira et studio*” — “без гнева и пристрастия”), — особое преимущество права в мире ценностей.

Правовые ценности. Различные виды ценностей, или ценностных модальностей, — чувственные и духовные, личные и без- и сверх-личные, социальные и политические, нравственные и т. д. Проблема правовых ценностей : есть ли особая правовая ценностная модальность или правовые ценности входят в качестве элемента в один из других классов ценностей ? Ценности, получающие признание со стороны права как ценности и ограждаемые правом, и собственно правовые ценности. Проблема основных — праводефинирующих и праволегитимирующих — ценностей.

Две ориентации в философии права : личность (индивид) или целое (общество, государство, народ) как фундаментальные ценности. Критика этих позиций. Личность и целое — внеправовые, метаюридические феномены и понятия, и как таковые не имеют необходимой связи с идеей права. Идея упорядоченного целого как основной ценности

может допускать прагматическое использование права, оставаясь при этом внеправовой идеей, но может равным образом включать и неправовые (в пределе — антиправовые) методы поддержания порядка и стабильной целостности. Личность как эмпирический индивид (жизнь, собственность, потребности, интересы etc.) находится по защите права, но не может быть квалифицирована как правовая ценность в собственном смысле. Ценностная амбивалентность идеи личности. Личность — единство обладающих смыслом и целью актов и, как таковая, — “место” выражения, воплощения и исполнения ценностей. Но в этом смысле личность есть центр обнаружения ценностных возможностей, но не носитель определенных ценностных свойств; личность — простая возможность выбора среди ценностей, в т. ч. выбора между положительными и отрицательными ценностями.

“Нормализованная свобода”, “формальное равенство” (равенство перед законом), “равновесие между равенством и свободой”, “справедливость” как правовые ценности в собственном смысле и по преимуществу. Вопрос о соотношении этих ценностей. Являются ли они независимыми или образуют некую неразложимую ценностную целостность ? Рядоположны ли эти ценности и должны браться в совокупности или отношения между ними иерархичны ?

Справедливость как фундаментальная ценность — праводефинирующая и праволегитимирующая. Идея справедливости и ее эмпирические воплощения — субъективные (добродетель) и объективные (справедливый порядок). Различные интерпретации справедливости как ценности. “Справедливость” между “равенством” и “иерархией”. Теория справедливости Дж.Ролза как образец интерпретации “справедливости” в категориях “равенства”.

Философия права Н.Н. Алексеева — вариант иерархической интерпретации идеи справедливости как ценности и ее реализации в общественном порядке. Общая формула справедливости : (1) каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей; (2) каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей; (3) каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия; (4) отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства, присущей каждой из ценностей; (5) отношения эти составляют общий порядок реальной солидарности.

Тема 4. Право и нравственность

Типы нормативных порядков и соотношение права и нравственности в историческом аспекте. Неразделимость и неразличимость нормативных порядков в архаических культурах в контексте объемлющего смысла “священного” и непосредственной сакральности всякой правило- и законо-сообразности, вплоть до правил гигиены. Ритуал как общий знаменатель всякого нормированного поведения. Расщепление смысловой тотальности сакральной традиции в высоких “осевых” культурах (К.Ясперс, Ш.Эйзенштадт) : опыты концептуальных различий внутри нормативной сферы в философии и в пределах великих религий (пророчество в контексте теизма; радикальные реформации в контексте нетеистических религий, освященные личностью основателя). Теократическая и мистическая критика архаической традиции “сакральности сущего” и утверждение “сакральности должного”. Демифологизация и деритуализация. Конституирование двух типов моральных порядков — профанного и религиозно-должного. Формирование идеи автономной морали в философии. Длительное последствие древней сакральной традиции в качестве постоянного фона и на уровне

“корневой” системы. Вторичные сакрализации нормативной сферы en bloc. Библейские “религии закона” (иудейство, ислам). Антиномии “закона” и “благодати”, закона и свободы в евангельской религии (христианство). Сакральная юридика средневекового христианства и новые прорывы радикального понимания евангельского благовестия (Реформация, янсенизм, пиетизм, неореформационные течения).

Светская философия права эпохи модерна. Господство естественно- правовых доктрин и конституирование политико-правовой традиции Нового времени. Интерпретация права в перспективе морального идеала и отождествление естественного права (разумного, адекватного, “правильного” права) с нравственностью — “моральное право”. Попытка разведения сфер права и нравственности с помощью категориальных альтернатив “действие — мотив”, “внешнее — внутреннее” в критической философии И.Канта. Легальность и моральность. Двусмысленности кантовской интерпретации : категорический императив права ? Новые опыты включения формального (позитивного) права — и государства — в объемлющую систему “нравственности” и их обратная сторона : юридика и этизация этики (Г.Гегель, Г.Коген и др.). Перманентный характер проблемы “право и нравственность” в современной (modern) философии права. Право как минимум нравственности. Парадигматичность спора Вл.С.Соловьева и Б.Н.Чичерина в русской философии права. Новая актуализация проблемы после второй мировой войны в свете опыта тоталитаризма.

Логические предпосылки и концептуальные основания различения права и нравственности. Адекватность различения и сопоставления права и нравственности требует соблюдения ряда предварительных условий, а именно, необходимо : (а) рассматривать нормативные системы и порядки на одном уровне — идеальном или реальном; (б) различать позитивную, или социально-конвенциональную нравственность и автономную и универсальную мораль; (в) проводить смысловую дифференциацию между разными типами автономной нравственности — этика долга или этика любви, этика убеждения или этика ответственности etc. (очевидно, что этика долга, например, в кантовском варианте сравнительно легко может быть переформулирована в терминах права, в отличие от этики любви); (г) допустить, что право и нравственность так или иначе должны иметь общий знаменатель; в противном случае их сопоставление и противопоставление логически некорректно (если неадекватность естественно-правовых доктрин связана с неразличением или смешением нравственности и права, то неадекватность чисто формального нормативизма определяется их абсолютным противопоставлением как совершенно внешнеполюсных относительно друг друга идей и феноменов). Логически первично рассмотрение права и нравственности как идей, с учетом, как минимум, условий (б) и (г).

Необходимые концептуальные основания, или критерии, различения права и нравственности : (1) двусторонний императивно-атрибутивный характер права и односторонний императивный характер нравственности (Л.И.Петражицкий) ; это значит, что право с необходимостью предполагает связь правомочий и правообязанностей и, соответственно, — корреляцию правопритязаний одних с правообязанностями других, что является одним из аспектов справедливости; (2) онкретный, конечный и нормативно-фиксированный характер (позитивного) права, с одной стороны, и притязания на специфическую бесконечность со стороны нравственности, — с другой; (3) связь права с принуждением (пусть только условным) и отсутствие такой связи, даже прямая невозможность принуждения в сфере нравственности.

Парадоксальность отношения права и нравственности. Необходимость различения права и нравственности и невозможность их разделения. Их отношение можно

обозначить, но не определить в логическом смысле, только парадоксальной формулой, заимствованной из теологической сферы : “нераздельность и неслиянность”. Неизбежность фактических сдвигов в ту или иную сторону : правовой морализм и нравственный юридизм, равно как смешения права и нравственности (естественное право) или попыток разрубить этот “гордиев узел” посредством радикального разведения и абсолютного противопоставления права и нравственности (правовой формализм и чистый нормативизм, с одной стороны, и моралистический нигилизм в отношении права, — с другой). Различение права и нравственности — необходимая предпосылка и условие нормализованного разрешения ценностных конфликтов и декриминализации значительной части человеческого поведения. Абсолютное отделение права от нравственности и отстранение от морального идеала — путь к полной формализации права и его замыкания на голом принуждении, в конечном счете, — искажение самой идеи справедливости.

Тема 5. Личность и лицо в праве

Проблема человека как личности в философской и теологической антропологии. Господство платоновско-аристотелевской парадигмы в европейской философско-религиозной традиции. Интерпретация феномена и понятия “человек” в позитивно-ценностных категориях “бытие-благо”, “логос-разум”, “дух” etc. Христианское Евангелие — резкий диссонанс в связанной целостности античной философской традиции (профетизм против платонизма; “кеносис” — самоуничтожение божества; понятие “греха” и неискоренимой “виновности” человека etc.). Теологический синтез (в патристике и особенно схоластике) как интерпретация Библии в категориях античной философии и античной философии в библейских категориях и реванш платонизма-аристотелизма в средневековой и новоевропейской философии и антропологии. Спекулятивный идеализм (Гегель) — высшая точка классической европейской антропологии. Контртечения : Ап.Павел, Тертуллиан, Августин, Лютер и ранняя теология Реформации, Паскаль, Кьеркегор. Кантовская критическая философия и предвосхищающая постановка вопроса о сущности человека. Шопенгауэр — Штирнер — Ницше и радикальная деструкция классической философии и антропологии. Интерпретация человека как существа, укорененного в “ничто”, идея “переоценки всех ценностей” и обретения мета-ценностной (мета-нравственной и мета-юридической) позиции “по ту сторону добра и зла”.

Новейшая философская антропология (М.Шелер, Г.Плесснер, А.Гелен). Человек как существо, разорванное между “духом” и “порывом”, идеальными ценностями и жизнью. Ценностная амбивалентность “духа”. Человек как “экс-центрическое”, нецентрированное, бытийственно неукорененное существо. Человек как биологически недостаточное, не оснащенное инстинктами животное. Философско-правовые импликации философской антропологии. Авторитаризм и “новый легизм” Г.Плесснера. Теория институтов как “социальной аналогии” инстинктов А.Гелена.

Современная ситуация в философской антропологии : стремление восстановить на новом уровне связь с классической традицией, рост влияния теологических и религиозно-философских концепций и религиозно-антропологических версий интерпретации естественного права. Постмодернизм и философия права.

Личность как субъект права. Понятие лица в праве. Два понятия субъекта права — персоналистское и нормативистское. (1) Субъект права как деятель — носитель актов (признания, исполнения etc.), правомочий и обязанностей. (2) Субъект права как “центр вменения” (Х.Кельзен), юридическая конструкция, определяемая нормами позитивного права. Личность как правовое понятие (О.Гирке).

“Физическое” и “юридическое” лицо. В парадигме персонализма единственно возможный субъект права — человек. Терминологически — “физическое лицо”, но не в смысле телесно-физического человека и не в смысле субъекта психологии, но субъект как деятель — фактический, действительный человек как единственно возможный носитель актов. Понятие “правосознания”. “Юридическое лицо” — выражение аналогическое; юридические лица не могут быть деятелями, за ними скрываются действительные лица, которые действуют “именем”, или “от имени”, юридических лиц.

В парадигме нормативизма : понятие “человека” как телеологического единства и “лица” в юридическом смысле не связаны никакой существенной и необходимой связью. Первичность понятия “юридического лица” для права и теории права. Человек — “лицо” лишь тогда, когда определен правом относительно юридических норм. Лицо в праве — всегда юридическое лицо. Полное тождество природы и смысла всех юридических лиц как субъектов права — будь то человек, учреждение, корпорация, государство.

Правомочие и правообязанность как основные определения (предикаменты) правовых феноменов. Три основных варианта интерпретации соотношения прав и обязанностей в философии права. (1) Приоритет прав перед обязанностями и опыты выведения последних из первых (некоторые договорные теории — Локк, Кант, в отличие от Гоббса). (2) Верховенство обязанностей над правами и обратный порядок дедукции (“органические” концепции, теории тотального государства-общности — А.Тренделенбург, О.Шпанн, К.Шмитт; в России — славянофилы, евразийцы). (3) “Правомочие” и “правообязанность” как две самостоятельные и невыводимые друг из друга категории, или два самостоятельных правовых модуса; их корреляция и единство как взаимополагание — сама суть феномена права. Н.Н.Алексеев : неудовлетворительность двух первых вариантов — либо вследствие слабости обоснования “правообязанности”, либо вследствие отказа от самого понятия “правомочия”. Метафизические истоки понятия “правомочия” (“posse” — мощь, могущество). Идея “всемогущества” как атрибута безусловного божественного бытия. Относительное могущество не может быть оправдано как ценность самим фактом своего существования; оно должно быть обосновано. “Правомочие” как обоснованное могущество, или правовая мощь — трансформация “Я могу” в “Я могу по праву”. Юридическая коррелятивность понятий “мочь” и “быть дозволенным” (posse — licere).

Модус “должного” (debere — быть должным). Различие идеального и нормативного долженствования. Идеальное долженствование (“так должно быть”) — квалификация определенного ценностного порядка как объективно-необходимого и соответствующего высшему разуму (А.Райнах). Отличие нормативного долженствования от идеального равнозначно различию между модусами возможности и необходимости, хотя нормативное долженствование, в отличие от чистой возможности (чистое “posse”), всегда сопровождается внутренним или внешним понуждением.

Специфика правового отношения : модусы “мочь” и “быть должным” в праве, хотя и имплицитуют друг друга, дистанцированы и сохраняют взаимную отстраненность.

Тема 6. Право, государство и общественный идеал

Соотношение права и государства как проблема. Основные, принципиально возможные варианты решения проблемы. (1) Право и государство — различные в смысловой перспективе феномены, что имплицитует возможность существования права, не авторизованного государством, и государства, не легитимированного и не лимитированного правом, притом что это не решает вопроса о примате, или верховенстве : (а) верховенство государства, или суверенитет силы, полагающей право и

возвышающийся над ним как *factum brutum*; (б) верховенство права, нормирующего и санкционирующего суверенитет силы; (в) частичное пересечение права и государства. (2) Тождество и неразделимость права и государства. Х.Кельзен : государство как централизованный правопорядок. Логическая двусмысленность нормативизма. Делает ли тождество “права” и “государства” абсолютно взаимозаменяемыми эти понятия и тем самым излишним одно из них.? Или же тождество не исключает определенного различия, так что право как система норм накладывается на фактические отношения силы, нормативно упорядочивая их и тем самым конституируя государство как централизованный правопорядок, подобно тому как человек (равно как учреждение, корпорация и само государство) становится юридическим лицом лишь в соотношении с правовыми нормами ?

Суммативность основных доктрин и необходимость более дифференцированного анализа.

Государство в разных измерениях : политический союз-сообщество, власть, администрация, право. (1) Политический союз как сообщество судьбы. Государство как репрезентант и символ целостности сообщества. Солидарность и долг служения как выражение фундаментального единства политической формы и со-общественного содержания. Альтернатива органического “сообщества” и формализованного “общества” в концепции Ф.Тённиса. Современные дискуссии “коммунитаристов” и “либералов”. (2) Государство как политическая власть — изначальная стихия силы, утверждающей свое абсолютное верховенство, или суверенитет, в борьбе с внешними и внутренними врагами. Властно-политическая природа государства как постоянная возможность действовать поверх права и вразрез с правом. Меч власти обоюдоострый и как таковой может быть использован как для защиты и покровительства, так и для насилия, — совсем не обязательно легитимных, т. е. санкционированных правом. “Политизм” как особый тип политико-правовых доктрин, выступающих в качестве концептуальной фиксации и обоснования властно-политической, силовой природы государства (Н.Макиавелли, Т.Гоббс, К.Шмитт). Категории “друг” — “враг” как основные определения независимой сферы “политического” в интерпретации К.Шмитта.

(2) Государство как административный аппарат управления. Генезис рациональной бюрократии (М.Вебер) и “бюрократического поля” (П.Бурдьё) в эпоху модерна. Автономия администрации относительно политической сферы в двояком смысле : отстраненность *de jure* от принятия политических решений, формулирующих цели управления, с одной стороны, и возможность самозамыкания, — с другой. Вместе с тем, — широкие возможности административной бюрократии *de facto* влиять на принимаемые политические решения посредством подготовки их проектов и интерпретацию уже принятых решений. Функциональная природа административного аппарата и его иерархическая структура. Формальная иерархия должностей, статусов и полномочий и материальная иерархия компетенций. Своеобразие административного права. Машинообразный и технократический характер функционирования современной административной системы управления. Экспансия административно-технократической “системы” в различные сферы бытия общества и человека, разрастание административного аппарата и “колонизация жизненного мира” (Ю.Хабермас). Теория функциональных систем Н.Лумана как концептуализация современных тенденций в развитии административно-технократического управления и интерпретация в технократических категориях самой политической власти государства и права.

(3) Правовое измерение государства. Государство как политический союз, нормированный, т. е. легитимированный и лимитированный правом. Конституция,

полагающая фундаментальные правила и границы действия политической власти. Особая роль неизменяемой части Конституции (американический “Билль о правах”, “основные права” в Конституции ФРГ etc.). Разделение властей и система правовых сдержек и противовесов”. Конституционный (Верховный) Суд как *de jure* независимая инстанция, обладающая правом последнего и неотменяемого вердикта, — воплощение и символ права в современном конституционном государстве. Политическая “общественность” и ее роль в в цензурировании политической власти. Теории государства как юридического лица. Теории государства как юридического отношения.

Политическая демократия в правовом контексте. Демократия и правовое государство, суверенитет народа и субъективные права индивида. Принцип мажоритарности и права меньшинств. Классические решения в новоевропейской философии права, их парадигматичность, но одновременно ограниченность в эпоху позднего модерна и постмодерна. Две тенденции : либерально-правовая (Дж.Локк, И.Кант) и политико-демократическая (Ж.Ж.Руссо). Философская критика радикальной политической демократии с позиций либерализма (А.Токвиль, Г.П.Федотов) и консерватизма (К.Шмитт). Двусмысленность позиции М.Вебера : понятие “плебисцитарной демократии” и возможность “харизматического господства” в условиях современности.

Необходимость различать уровни рассмотрения “демократии” и “права” (и правового государства) : эмпирический и нормативный. Ю.Хабермас : на эмпирическом уровне отношения между “демократией” и “правом” имеют чисто исторический и внешний характер. (1) Право как нормативная система и правопорядок существуют независимо от демократии как политической системы. (2) Более того : “правовое государство” как система принципов, ограничивающих действия политической власти (*rule of law* — верховенство права), может быть реализовано в рамках политических систем, которые не являются с политико-правовой точки зрения демократическими. (3) Политическая демократия как таковая не может ни предотвратить злоупотребления властью (т. е. использования власти вне-, анти- или квази-правовым способом), ни исключить возможность трансформации и вырождения политико-правовой системы в антиправовую (тоталитарные режимы).

Однако на нормативном уровне концепты, или идеи, “демократии” и “права”, точнее, “современного права” связаны неразрывной сущностной связью. Равным образом, в условиях современности идея права не может быть реализована в политической системе, принципиально антидемократической. Частная и публичная автономия индивидов взаимно предполагают друг друга. Субъективные дополитические права индивидов (свобода, собственность etc.) как адресатов установленного правопорядка, включающего при необходимости возможность принуждения, не могут быть реализованы без публичной политической автономии граждан как агентов, устанавливающих или авторизирующих нормативный правопорядок. И наоборот : публичная автономия граждан и, соответственно, политическая демократия не может состояться, если не предположить, что граждане заведомо обладают неприкосновенными субъективными правами.

Современная полемика между сторонниками различных концепций демократии как общественной и политической системы. Либералы и коммунитаристы. Либеральная и республиканская, процедурная и субстанциальная модели демократии. Либеральная модель : акцент на субъективных, дополитических правах индивидов как свободных и самостоятельных деятелей и защита рыночных принципах отношений между ними в процессе достижения своих целей; политические права граждан как необходимая форма легитимации пользования политической властью, или способ выдачи лицензии на власть;

минималистская концепция государства; интерпретация права как нормативной системы, смысл и основные функции которой, — гарантия субъективных прав индивидов, т. е. защита и поддержание правопорядка как установленной системы прав и обязанностей, с одной стороны, и предотвращение вмешательства государства и его административного аппарата в частные дела индивидов, равно как ассоциаций и корпораций; сильно выраженная тенденция чисто процедурного и формального понимания права.

Республиканская модель. Акцент на гражданско-политических правах индивидов и примат объективного правопорядка как содержательного выражения политической воли сообщества. Широкое понимание демократии как прежде всего субстанциального порядка общественного устройства, — как федерации самоуправляющихся сообществ. Государство не “ночной сторож”, но выражение политического единства такой федерации, нравственно-правовой союз и сообщество судьбы. Демократия в длительной исторической перспективе невозможна без единства общества и государства и, соответственно, без культивирования гражданских и политических добродетелей граждан и понимания государственной службы как долга служения сообществу. Право, равным образом, не может быть чисто формальной системой норм и процедур; оно с необходимостью должно включать в себя в качестве основания определенный набор содержательных моральных принципов, как и наоборот — определенные ограничения.

Дискурс-теория демократии и права Ю.Хабермаса. Концепция “делиберативной демократии” как попытка найти точки соприкосновения либеральной и республиканской моделей и реализовать их синтез. Критика формально-процедурных тенденций либеральной модели, равно как этического сужения политического дискурса в рамках республиканской модели.

Понятие общего блага в правовом контексте. Интерпретация понятия “общее благо” в истории философско-правовой мысли. Органически-этатистские теории: общее благо как благо “целого” — государства-общности (Платон — Гегель, отчасти Руссо; в гипертрофированном виде — позднейшие теории тотального государства). Истолкование “справедливости” как необходимой ценностной иерархии прав и обязанностей в перспективе блага “целого”. Высшая ценность принудительного “порядка” как такового, определяемого властным авторитетом, который ре-презентирует общее благо (Гоббс). Безусловный примат государственного интереса перед частным. Поглощение и погашение частных интересов и благ “общим благом” как благом целого. Требование жертвенности от индивидов со стороны государства как репрезентанта общего блага. Периодическая актуализация организмических и этатистских теорий общего блага в условиях общественных потрясений и в качестве альтернативы анархическим и релятивистским тенденциям современной демократии.

Общее благо как урегулированное, нормированное правом благо целого и всех посредством согласования частного блага каждого члена сообщества и обеспечение правовых форм разрешения конфликтов (ранние варианты: Аристотель — Фома Аквинский, Локк — Кант; современные: Дж.Ролз, Р.Дворкин, О.Хёффе и др.). Интерпретация “справедливости” в категориях “равенства прав и свобод” и “дистрибутивной выгоды”. Приоритет права и справедливый правопорядок как единственно возможный путь осуществления идеала общего блага как согласованного единства блага всех. Современные теории общего блага в перспективе правовой (и политической) справедливости как альтернатива утилитаризму и перфекционизму. Истолкование смысла и функций государства в духе теории договора (соглашение о свободе и соглашение о господстве), понимаемого в трансцендентальном и критическо-нормативном смысле. Государство (*res publica*) как гарант поддержания (в т. ч. и

посредством принуждения) справедливого порядка, составляющего условие возможности общего блага через согласие.

Критика современных теорий общего блага в “перспективе справедливости” и договорной теории государства с позиций неолиберализма (Фр.Хайек, Р.Ноцик), возрождение идеи “невидимой руки”, защита радикального индивидуализма и спонтанности. В конечном счете — отрицание необходимости и возможности конструирования общественного идеала даже “в пределах только права”.

Идея и идеал правового государства. Истоки идеи правового государства (“Rechtstaat” в немецкоязычной литературе; “rule of law” — “правление права”, или “верховенство права” в англо-американском словоупотреблении) в новоевропейской философии права — концепции Локка, Монтескье и особенно Канта. “Правовое государство” как альтернатива государству абсолютистскому, или деспотическому. Кант : государство — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Предпосылки кантовской формулы — договорная теория государства как условия возможности правопорядка и утверждение пространства гражданской свободы.

Основной смысл и парадокс идеи правового государства : самообязывание, или самоограничение государства правом, которое это государство позитивизирует, т. е. полагает своим властным авторитетом и поддерживает санкциями. Различные опыты разрешения этого парадокса. Н.Н.Алексеев : два порядка власти — право соотносится с государством как власть с властью. Утверждение плюрализма источников права и множественности правовых порядков в социальной теории права Ж.Гурвича. Неудовлетворительность этих решений, которые отстраняются от принципа суверенитета, или верховной власти государства, авторизирующего и контролирующего все возможные правовые порядки (церковное право, право ассоциаций и корпораций и пр.)

Дуализм государства и относительно самостоятельного гражданского общества, включающего пространство публичности, — единственная опора для возможности цензуры государства на предмет его правового характера.

Критика идеи правового государства. Х.Кельзен : функция этой идеи сугубо идеологическая — самооправдание власти как насилия посредством идеи права как справедливости. Теория правового государства — единственная идеологическая возможность оправдания и легитимации государства в условиях деструкции его религиозно-метафизического обоснования. За пределами идеологии — всякое государство как централизованный правопорядок есть “правовое государство”, а сам этот термин — плеоназм, или излишество.

Идея правового государства как мета-юридическое, или сверх-правовое понятие, как интерпретация, оценка и критика государства с позиций морального идеала (С.А.Котляревский). Проблема : только ли мета-юридична идея правового государства или же в ней есть собственно правовое содержание ? Существуют ли юридические критерии, по которым можно распознать и отличить правове государство от неправового? Классические ответы : конституция и разделение властей, согласие граждан и делегирование властных полномочий, права гражданской и политической свободы.

Гарантия прав человека — главный критерий для квалификации государства как правового в современной философии права. Расширение набора таких прав : помимо гражданских и политических — экономические, социальные, культурные права. Расширение реестра прав как предмет спора в философии права. С классической точки

зрения (И.Кант, В.Гумбольдт), расширение реестра прав за пределы “прав свободы” — примета патерналистского и деспотического государства, поскольку такое расширение ведет к увеличению прерогатив и полномочий государства, т.е. к увеличению его власти за счет прав граждан. И.Берлин : антиномия двух концепций свободы : негативной и позитивной. Возрождение классической концепции “минимального государства” в современных неолиберальных доктринах.

Идея социального государства. Конституционное закрепление идеи социального государства — отражение парадигмы, господствующей в современной философии права. Недостаточность “минимального государства” в условиях современного общества и в контексте современного правосознания, с точки зрения сторонников “социального государства”. (1) Гарантии социальных, экономических и культурных прав как предпосылка и условие действительного осуществления классических “прав свободы” — гражданских и политических прав. (2) Необходимость защиты среды обитания в условиях экологического кризиса с неизбежно имплицитно расширяет функции государства и требует правового нормирования.

“Социальное государство” не тождественно “государству всеобщего благоденствия” и не может быть гарантом личного счастья или самореализации. Функциональная легитимация социального государства должна начинаться с демифологизации, т. е. устранения нереалистичных элементов, которые вкрались в политический и социальный проект современности (О.Хёффе). Функция справедливого государственно-правового порядка, который предполагается идеей социального государства, — создание фундаментальных условий, или пространств, благоприятных для реализации человеческих целей, но не их непосредственное осуществление.

Общественный идеал современного анархизма — утопия “свободы от господства” и государственного принуждения. Интерпретация “государства” как анти-ценности и отрицание возможности справедливого государственного правопорядка.

Формы текущего контроля и промежуточной аттестации:

Промежуточная аттестация по дисциплине «Философия права» проводится в соответствии с Учебным планом: в 2 семестре – в виде экзамена .

В результате освоения дисциплины у студентов должны быть:

- сформированы знания:
 - основных философско-правовых доктрин и их проблематики, критериев оценки философско-правовых доктрин; принципов профессионального мышления современного юриста, основ правовой культуры;
- сформированы умения:
 - вычленить главное в проблеме и принять оптимальное решение, грамотно дискутировать, обосновывать позицию, опираясь на теоретические знания;
- сформированы навыки:
 - философско-правового подхода к рассмотрению проблемы;
 - аналитического подхода к проблеме, высоким уровнем правосознания, толкования положений нормативных правовых актов .

Основная литература

Алексеев Н.Н. Основы философии права. — Спб., 1998

Ветютнев Ю. Ю. Основы аксиологии права: учеб. Пособие. ВФ РАНХиГС. 2013

Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права [Электронный ресурс]: учеб. для магистров. Юрайт. 2014 <https://www.biblio-online.ru/book/2CDACD62-30F7-49A8-B249-9931CD873487>

Радбрух Г. Философия права. — М., 2004